

Дневник папиной дочки

Когда привыкаешь к тому, что твой папа - настоящий учёный, то внезапно оказаться в деревенской глуши - это что-то невыносимое. Тем более что дедушкины друзья все до одного со странностями. Что только дед в них находит?! Особенно в шуте гороховом по фамилии Ведронбом, том самом, который не даёт покою старшей сестре...

Но ведь папа родом отсюда? Значит, здесь должно быть что-то настоящее, но где же его искать?

1 июля

Поговорить не с кем!! Купила тетрадку, буду писать!

Вот уже две недели, как мы с сестрою гостим у дедушки и вынуждены претерпевать все особенности здешнего порядка. Маленький пыльный городишко деревенского типа, почти никакой культурной жизни, только какой-то ДК, больше похожий на сарай. На левом берегу тоже есть ДК, поживей, даже с каким-то самодеятельным театром, но что ни говори — провинция. Идёшь по дороге — лают собаки, гуляют гуси, а то и коровы рулады выводят. Один раз какие-то козлята за нами хвостом увязались и шли через всю деревню, как будто мы козьи экскурсоводы!..

Первые дни мы пытались насладиться провинциальной архитектурой, но после того как за нами чуть ли не погналась одна нервная корова, наш интерес заметно поугас. Конечно, воздух здесь уникальный: когда не пахнет навозом или баннным дымом — то пахнет сосной. Звёзды во все небо, совершенно неопишимо. Сидишь в саду ночью, ни огонька земного, ни фонаря, поскрипывает колодец где-то за оградой у дороги... Словно один во Вселенной среди неведомых пространств жизни.

Но то ночью, а днём тут скука и тоска, знала бы мама, куда она нас отправила. Неужели папа провёл здесь всё своё детство!! Теперь я понимаю, почему он всегда был такой невесёлый по характеру. Папа, папа... Ну ладно; хватит! Папа и папа. Помру — встретимся, а куда надо жить.

Дедовы знакомые все совершенно дикие, где он таких насобирает, я не знаю. Вот Михалыч, тоже дед, доморощенный эколог. То есть он каждый день ходит на речку и удит там консервные банки, а ещё пишет в местную газетку статейки про охрану природы. Агитирует и нас посвятить жизнь банковывлавлению. Также горячо ругал Оксану, когда она не сэкономила воду, т.е. брезговала мыть свою посуду в тазике с жёлтой водой. Если мы подхватим тут какую-нибудь дифтерию, виноват будет дедушка.

Другой приятель дедушки Стёпа, отец семейства, болен страстью реанимировать машины. Покупает где-нибудь полную развалину, восстанавливает её великими трудами, покупая нужные гайки в соседних городах, потом продаёт её и покупает новую развалину! И ладно бы из-за денег, но он, по-моему, больше теряет от своих процедур. Ну конечно, чем ещё себя занять в этой дыре!

Этот типчик гордо прокатил нас с сестрою в своём авто — вот уж я натерпелась страху. Сидела сзади, у разбитой двери, которая была заклеена скотчем, обмотана верёвками и все норовила отпасть. Сиденье скрежетало и подпрыгивало, подо мной что-то страшно дребезжало, будто дно отвалилось и тащится по асфальту. Оксану норовил стукнуть по лбу кусок обивки, свисавший с потолка, потому она все пригибалась, а я нет, и на одной из кочек заработала большую шишку. Больше никто не заставит меня сесть в эту телегу!!!

Про Зоюшку что сказать — не знаю. Это соседская бабушка, с которой дедушка на старости лет невестится: рубает ей дрова, носит цветочки, руку подаёт и глядит в её портрет. А чего глядеть, когда стоит помахать в окошко — и она прибежит с пирогами. Впрочем, надо же и им как-то занять время. Знаешь, папа, я вообще не понимаю ничего в этих жениханьях. Я бы вышла замуж только за тебя. Когда бы уж непременно надо было

заводить семью. И было бы это примерно так: приходишь ты домой, там начинается: почему тётю не навестил, почему вешалку не пришил и т.п. Ты за голову хватаешься, бумаги в карман — и убегаешь в парк. А там уже занята скамейка: это я с книгой. Привет — привет. Занято — не занято. Женя, куда бы нам деться от этих тёт? Не знаю, Серёжа, но давай куда-нибудь вместе денемся... Вот так бы это было.

Если мама всё-таки выйдет замуж, я полагаю, ты не будешь на неё в обиде. Да и я тоже. Лишь бы они не выкинули твоих бумаг, вот что главное.

А больше всего меня тут нервирует «юный друг» дедушки, который с ног до головы представляет собой абсурд. Начать с того, что его фамилия Ведронбом, да таков он и есть. Никакой он не юный, он промозолил землю уже два с половиной десятка лет, а ведёт себя на все два с половиной года. Он абсолютно несерьёзен, носит в любую жару жуткий «художнический» шарф, дурачится без конца и в больших количествах пьёт пиво. Это его погубит в первую очередь, если там ещё осталось что губить. Род его занятий в нём никак не проглядывается, он появляется у нас в самое наирабочее время и изводит нас с Оксаной. Оксана говорит, что у него взгляд соблазнителя. А по-моему, у него взгляд детсадовца. Если он ещё раз попытается «соблазнить» меня мороженкой в виде розового зайчика или снова кинет в меня репьём, то я уже не знаю что сделаю!!

Дедушка уже час с диким треском колет дрова, словно по моим нервам.

Меня раздражает тут положительно всё, кроме неба и цветов. Скорей бы кончились эти каникулы.

3 июля

Ловили в речке консервы. Оксана порезала палец. Михалыч хотел излечить её какими-то мухоморами на клею, иначе я это назвать не умею!

Чем заняться?!

4 июля

Ведронбом притащил Оксане резиновую перчатку. Ловили консервы вчетвером. Ведронбом кидался водорослями. Если он нас не изведёт, мы внесём большой вклад в экологию папиной деревни.

6 июля

Консервная неделя продолжается. Оксана не вытерпела и сбежала от Ведронбома к Стёпе, чинит его заслуженный драндулет. Вечером она стряпала пироги с Зоюшкой, а Ведронбом, как к себе домой, явился их есть! Оксана очень злится. Моя книга кончилась, читать больше нечего, здешняя библиотека представляет собой жалкое зрелище, я набрала там горку хоть сколько-то путёвых книжек, но читать, похоже, не буду, ибо — как там у Омара Хайяма: «И лучше будь один, чем с кем попало быть».

7 июля

Оксана не выдержала и разразилась крайне некорректной тирадой про здешние вкусы и нравы. Сказала, что здесь никакой культуры, засохнуть можно и в таком духе. Ведронбом обиделся за родную деревню и позвал нас в театр. Оксана согласилась, надела туфли на каблуках, они ушли. Держу пари сама с собой, что он накормит её зелёнькими чупа-чупсами и введёт на обратном пути в навоз, который тут на дорогах в изобилии.

Надо сказать Михалычу, чтоб он подумал о разработке агит-компании по рациональному использованию этого ценного сырья. Сделать установку по выработке биогаза, а остатки — идеальное удобрение. Вдруг кто-то вроде Стёпы этой идеей увлечётся, ведь это ж двойная польза будет: человек найдёт дело, а дело человека...

Вечер.

Что я и говорю. Она таки вляпалась в навоз. Хорошо, что кавалер не знает, а то бы умер от огорчения из всех своих двухсполовинолетних сил.

Оксана говорит, он не кормил её ничем, т.к. не знает, что в театре есть буфет!! Игнали какую-то сцену из Чехова. Я слегка жалею, что не пошла, а впрочем, меньше разочарований и чистая обувь. «И лучше будь один...» Однако Оксана там с кем-то познакомилась, говорит: «галантные и умные молодые люди». Завтра нанесём им визит.

8 июля

Сестра наносит визиты одна — сказала, так корректнее. Я помогаю Стёпе. Начинаю слегка разбираться в строении переднего багажника, где мотор. Скучно.

Вечер.

Совершила ужасное. К деду пришёл этот пиволуб, и они пили, пили, пили, я пошла и громко сказала деду, что если он будет столько пить, то станет таким же интеллектуалом, как Ведронбом.

Я больше не могу находиться в этом доме! Я хочу домой! Где же Оксана, уже темнеет. Я понимаю, что с «умными и галантными» интересно, но надо и совесть иметь.

Глубокая ночь.

Оксана рыдает в голос и не даёт мне спать.

Святая наивность дед, оказывается, думал, что она осталась ночевать у Стёпы. В одиннадцать я не выдержала, к деду обращаться было страшно (вообще у него нервы слабые, и он за нас перед мамой ответственный), и я пошла к Ведронбому (дедушке сказала — под предлогом извиняться). На этот раз Ведронбом оказался на редкость сообразительным и быстренько побежал, причём он, к счастью, знал, куда бежать. Так вот опоздали бы мы ещё чуть-чуть, и начался бы криминал. Эти деревенские уроды не видят в девушке ничего, кроме набора органов. Они оправдывались тем, что она вообще сама к ним навязалась, а потом на переправе коней не меняют. Ведронбом с ними, пардон, дрался, один на четверых, но они были, к счастью, трусы.

Мы шли, Оксана рыдала, я ругала её на чём свет стоит, а Ведронбом смеялся. Ему вообще всё смешно, как дурачку, словно не понимает, что могло произойти. Тут, кажется, такие штуки в порядке вещей.

Оксана очень глупый человек, даром что кончила первый курс и досрочно сдала свои художественные экзамены. Я в свои пятнадцать уж как-нибудь вижу намерения людей. Сейчас она почти перестала реветь, а я всё не успокоюсь. Дедушка не понимает всей трагедии, так что я осталась за старшую. А трагедия в том, что здесь совершенно нечем заняться, отсюда все беды. Теперь понимаю, почему дед дружит со Стёпой и Михалычем. Они хоть какую-то иллюзию деятельности создают. Папа, милый папа, что же мне делать.

9 июля

История про Оксану стала известна всей деревне. Ведронбом ходит с фингалом. Хоть бы купил очки. А впрочем, зачем, если все равно все всё знают. Тем же парням ещё какой-то приятель Ведронбома шишек добавил. Хорошенькие у него приятели.

Слухи — это что-то невыносимое. «Иные даже утверждали, что свадьба слажена совсем, но остановлена затем, что модных колец не достали». Спорят, от кого именно у неё будут дети. Ведронбом только хохочет. Я с ним на этой почве разгубилась, и он опять подарил мне чупа-чупс. Розовенький в белую полосочку. Тогда я купила в магазине резиновую мышку с пикулькой и подарила ему. Думала, он хоть как-то устыдится, а он носит её с собой и завидев меня пищит ею!! Мама, мама, заberi меня отсюда!

Всё: с завтрашнего дня у меня режим. Утро отдаю консервам, день переднему багажнику, потом учусь делать пироги у Зоюшки, потом убираю дом, потом покупаю карту неба и учусь отличать созвездия. Иначе моя деградация неминуема.

11 июля

Режим не получается. Звёздных карт нет ни в одном магазине. Жаловалась о том деду при Ведронбоме, через полчаса тот принёс мне старую карту. Если б он при этом не запищал мышкой, я даже была бы ему очень благодарна.

12 июля

Ведронбом с дедом за общим столом начали рассуждать о всяческих женитьбах: вот-де, слухи ходят, фингал налицо (то есть на лице), а когда же свадьба. Оксана позеленела от ярости и ушла наверх. Они этому удивились! Стали спрашивать, что с ней! Ну, я и сказала прямо, что она слишком воспитана, чтоб говорить то, что ей хочется. И если здесь в деревне фингал — это что-то вроде обручального кольца, то надо было о том сразу предупреждать. И что у Ведронбома нет никаких шансов понравиться людям нашего круга, пусть он особо не обольщается. Ведронбом опять засмеялся и сказал, что, судя по моей речи и логике, я воспитана куда меньше сестры. Дедушка тоже стал смеяться. Тогда я ушла в сад и сижу караулю, когда этот шут гороховый наконец соберётся домой. Ага, вот и он!

...Ну, вот он и ушёл. Я вернула ему карту неба и просила его, чтоб он оставил нас в покое, потому что мы уже почти ненавидим его за его постоянные выходы, и когда бы у нас были деньги на билеты, мы бы уже сбежали отсюда домой. Он засмеялся и спросил, дать ли нам денег взаймы. «Да человек вы, — говорю, — или фигляр? Есть у вас хоть зачатки внутреннего достоинства? Каким языком ещё вам говорить, чтоб вы поняли — ушат помоев на вас вылить, что ли?» Перестал смеяться, повернулся и ушёл. Обиделся. Ведь он не злой. Но я уже просто была в отчаянии, он отравил нам тут всю жизнь. Даже с этими парнями, как нарочно, Оксана познакомилась там, куда он её позвал. Поскольку уж я за старшую, я отвечаю за то, чтоб у сестры не было нервного срыва. А то с неё станет. Она и без этого Бомбоведра ревет каждую ночь в подушку.

13 июля

Первый день, прошедший спокойно! Ночью вместе смотрели на звёзды и спали в саду. Жаль, уже нет карты. Оксана ко мне всяко ласкается за то, что я его выдворила.

14 июля

Ведронбома нет. Ну, к дедушке-то мог бы и приходиться, лишь бы нас не трогал. Вообще невесело всё это. Чувствую себя негодяем. Только что Оксана приходит в себя.

15 июля

Ловили консервы. Весь день думаю о Ведронбоме. Папа говорит: когда ты вынужден поступить с кем-то строго, обязательно пошли ему вслед добрые мысли. Это хоть скольконибудь поможет человеку не обидеться, а понять тебя.

17 июля

События всё те же: консервы и гайки. Михалыч написал про нас в газете, что мы приехали из большого города помогать экологии здешнего края, и это, по его мнению, должно быть назидательно для здешней молодёжи. Жаль, что Михалыч не умеет писать лучше, все штампует этот примитив. Села написать ему парочку статей, как это дело понимаю я.

20 июля

Статью напечатали, очень хвалят, приходят поздравить все кто ни попадя. В школе, кстати, мне за такой опус и пять-то бы не поставили. Что возмёшь с провинции! Но

возьму с собою газет, в случае чего подложу на стол Наталье Ефимовне, чтоб знала, что она правит сочинения звезде городского масштаба.

Ведронбом не приходил. Оксана счастлива. Я наоборот. Непременно явлюсь извиняться и подарю ему что-нибудь. Но только в день перед отъездом, ведь иначе он, того и гляди, начнёт приходить снова.

22 июля

Пришло мне письмо, натурально, по почте (опять будет вагон слухов). Хорошо хоть, что не открытка для всеобщего прочтения.

«Уважаемая Евгения Сергеевна. После нашего разговора долго думал над собственной жизнью. Самым решительным образом бросаю пить пиво, пиццать мышкой при Вас и т.п. Искренне сожалею, что доставил вам столько неудобств. Могу ли я заслужить ваше прощение?

В субботу у меня состоится небольшой праздник, на который я хотел бы вас всех пригласить, и если Вы сочтёте моё приглашение корректным, передайте, пожалуйста, его Вашему дедушке и Вашей сестре Оксане Сергеевне вместе с моими извинениями.

С почтением, Ведронбом. Александр Валерьевич.

P.S. «При Вас» относится к мышке, пиво я бросаю вообще.

P.P.S. Никогда не писал таких писем. Простите, если вышло смешно.

Ещё раз извините. Искренне Ваш, Александр».

Какая изысканность! Не очередная ли это издёвка? Как я не хочу идти!! Но, пожалуй, придётся, иначе совесть меня совсем заест. Интересно, что он делает, пока нас нет. Наверное, пицтит мышкой впрок!

25 июля

Четвертый час утра. Лежу на диване Ведронбома, а где он сам, не имею понятия. Об мои щёки можно зажигать спички. Когда же утро!! Но по порядку.

Первое, от чего я чуть не упала, это костюм и галстук. Костюм ничего, но галстук явно пять минут как из магазина и, к сожалению, безвкусный, не знаю даже, как бы ему это сказать, а то он, видно, так старался.

Теперь вот что. Кто такой вообще Ведронбом. По нему этого нисколько не скажешь. А он не просто имеет высшее образование и не просто ездит временами в «закрытый город» поблизости (где работает по особому графику в какой-то там лаборатории, и отец его тоже там живёт). Он не просто является соискателем в одном из университетов. Всё это неудивительно, я на этих многочисленных «учёных» насмотрелась досыта и не питаю по их поводу никаких иллюзий. А вот кто он на самом деле такой, мне сказал его кабинет, его книги и разбросанные (увы) бумаги. Как будто папа мне из того мира руку пожал, честное слово...

Праздник был посвящён тому, что какой-то центральный научный журнал опубликовал большую статью Ведронбома насчёт слабых взаимодействий (ну, то есть там в ядрах, что ли, и т.п., я тут не специалист), о которых здешний народ никакого понятия не имеет и только и может, что «тонко острить» по этому поводу, говоря, что Ведронбом слабо взаимодействует с противоположным полом.

На этот раз Ведронбом ни над чем не веселился и изо всех сил делал серьёзный вид, чего он совершенно не умеет, надо сказать. Ему стали намекать, что он зазнался, а я послала записку на салфетке: «Бедный Ведронбом, лучше шути, я тебе потом объясню». Потом народ выпил, и их там всех вообще понесло, они стали спрашивать, когда он перейдёт к сильным взаимодействиям с Оксаной. Я думала, она умрёт на месте, но она сидела загадочная, как царица, и смотрела из-под ресниц. Невозмутимый Ведронбом вдруг очень покраснел, так что с него, как любит говорить папа, можно было картину писать, и скорее включил какую-то музыку, под которую все местные начали задавать гопака, а он сам пошёл к нам извиняться.

Оксана его извинила и тоже повела танцевать, а он мне мою салфетку возвратил. С припиской: «Простите, Жень. Вас всё это, я вижу, тяготит. Может быть, Вы захотите заглянуть на второй этаж? Туда никто другой не пойдёт». Я подумала-подумала, ещё раз

поглядела на этот буйный гопак и пошла наверх, и вот пришла сюда, и здесь-то у меня глаза и разбежались.

Если б я могла предположить, что у этого репейного мальчишки такая ценная библиотека, то у меня бы июль так бездарно не прошёл. Правда, все в кучу, редкостный беспорядок; я нашла местечко где притулиться и зачиталась, а с моего голоду-то ещё как зачитаешься. И вот кончилась книжка, поднимаю голову — за окном ночь, кто-то сердобольно включил мне свет, на часах три с копейками, гости ушли, конечно, и наши ушли, и дед, тоже мне умница, меня не растолкал и не увёл, в общем, конфуз и только. Кроме прочего, как я заметила, кровать (то есть диван) тут в единственном экземпляре, то есть, тот самый, на котором я ныне лежу. В доме кроме здешней лампы полная темнота. Я в полном неведении. То ли он спит... даже боюсь предположить где. А то ли, может, вдруг ушёл гулять с Оксаной — и потому, естественно, напрочь забыл про то, что я где-то тут сижу! Вот будет мило, если Ведронбом сейчас придёт, а я скажу: «Здравствуйте, я ваша тётя». Скорее бы утро!!

27 июля

Третий день блаженствую за чтением. Прерывалась, чтоб сходить поискать нормальный галстук, но похоже, здесь таких не водится. Дед пристаёт, чтоб я поела, не понимает, что такое месяц без книг. Вечером, когда эти двое пришли из театра, слышала — дед строго отчитывал его, зачем он дал «этому книгоглоту» (т.е. мне) книги, когда я приехала отдыхать от школьных нагрузок. «Она уткнулась в твои мю-мезоны и ничего не ест!» Я вышла на лестницу и крикнула вниз, что это неправда, и если три тарелки салата, суп и каша за день — это ничего, то что же тогда будет «чего». Дед воспользовался моментом и стал всех садить за стол.

Разговор не клеился. Ведронбом явно тяготился обществом кого-то из нас: то ли деда, то ли меня, то ли обоих, — и хотел уйти. Дед всё пытал его, что они смотрели, Ведронбом совсем не мог ответить и оттого конфузился и сердился. Оксана сказала, что «Горе от ума». На это дед заметил, что они смотрят это горе уже второй раз. Оксана пожалала плечиками и сказала, что она не отвечает за здешний скудный репертуар.

Ведронбом попросил меня передать ему конфету, записал что-то на фантике и скоро ушёл, а конфету оставил.

Странные они, ничего я у них не понимаю, и понимать мне некогда, я читаю статью про слабые взаимодействия, а в неё не так-то легко вникнуть.

28 июля

Голова от ядерной физики загудела совсем, кажется, дед был в чём-то прав. Сделала перерыв — чистила речку с Михалычем. Ведронбома не было. По-моему, дед слишком над ним подшучивал. Оксана жалуется, что он ведёт себя слишком вежливо и скромно там, где не надо. И что это я в том виновата, т.к. запугала его своими моральями!!

Вот теперь поди пойми, чего ей надо. Я сказала, что выхожу из игры, пусть сами между собою разбираются.

30 июля

Ведронбом точно испарился после нападок деда, так что придётся относить ему книги самой. Оксана просит, чтоб я передала её послание. Вот уж как я не люблю все эти амурные дела с завитушками!! Сваха я ей, что ли? Ничего я не стану передавать! Когда женятся — я что, тоже между ними записки носить буду с кухни в ванную?!

По-моему, эти записки ещё глупее, чем кидаться репьями. Если вот это называется любовью, хоть бы мне никогда, никогда не выходить замуж!

...Спрашивала ещё что-нибудь про эти взаимодействия, Ведронбом искал нужную книгу, но не нашёл в своей свалке. Вообще у него куча работы, судя по бумагам на столе и по той всклокоченности, которую он впопыхах старался пригладить. Он всем этим стеснялся и торопился, так что одна из стопок повалилась и рассыпалась. Ну откуда ему время на уборку, если он все время гуляет с сестрой. Я больше не могла на это смотреть. И

очень просила позволить мне навести там порядок и составить библиотечный каталог — я это хорошо делаю, даже друзья к себе зовут им тоже так сделать. А то разве можно так с книгами! Тем более что я всё равно без конца ищущу, чем мне заняться. Я долго его убеждала, и он сдался.

Оксана пристаёт: что он про неё говорил? Ровным счётом ничего. Играют в молчанку на пару. Интересно, дед с Зоюшкой тоже иногда вот так молчат для разнообразия? Впрочем, это их дело.

1 августа

Разбираю библиотеку — она замечательна! — и ночью сегодня тут. Дедушка разрешил. И как это Ведронбом в таком захолустье выписывает такие вещи, которых нет даже в институтской библиотеке (где Оксана учится). Кроме прочего обнаружила «Цитадель» Экзюпери, которую давно мечтала найти. Всё издаю разные восхищённые возгласы, а бедный Ведронбом сидит тут же за компьютером и, конечно, не может нормально работать. Сбежал от меня вниз, пишет от руки. По-моему, он сам не рад, что впустил меня.

...Оксана не утерпела, прибежала сама, вытащила его на какой-то приезжий духовой оркестр. Он пытался уклониться, ссылаясь на неготовый ужин и неубранный дом, но мне их молчанки надоели, я решила проявить солидарность с Оксаной и взяла эти уборки на себя. Он начал смущаться, но общими усилиями мы его уговорили.

Надеюсь, что у них всё нормально, а у меня-то день просто замечательный. Столько полезного сделать.

Ночь.

Вернулся поздно, испуганно прошёл по чистому полу, как по канату, тихонечко сел в уголку кухни на табуреточку. Вот ведь застеснялся ещё! Я давай ему с жаром объяснять, как мне тут невыносимо скучно, и все эти дела для меня — настоящее спасение. У деда я уже и так все вымыла и прибрала, что было можно (и что нельзя). Но у Ведронбома я ничего кроме библиотеки и пары грязных сапог, которые лежали под книжным стеллажом, не перемещала.

Он немного успокоился, я ему чаю налила, спросила про оркестр, он начал вздыхать. «Жень, огромная просьба, сослужи мне одну тяжкую службу». Я испугалась и говорю: «Что угодно, только, пожалуйста, не эти дурацкие записки носить со взаимоотношениями, терпеть я всего этого не могу, и обязательно потом во всём виноватым окажешься». «Это точно, — говорит. — Ты меня за что из дома выставила? Вот увидишь, попадёт тебе ещё за это с двух сторон. В этот раз я промолчал, но в следующий не вмешивайся, а то, прости великодушно, отшлёпаю».

Я так и вскочила. Сначала крайне возмутилась. Потом (папа говорит: сосчитай до десяти) подумала, что упрёк его справедлив, и страшно расстроилась. «Ну вас обоих, — говорю, — у неё семь пятниц на неделе, и ты тоже как маленький, а я за её судьбу отвечаю. Она меня уже извела своими просьбами и упрёками! То ей приведи Ведронбома, то ей уведи Ведронбома, то ей кашки, то промокашки, и вот-де был бы папа — так он бы помог, а я злая и не помогаю, и вообще!...»

Не выдержала, почти разревелась и побежала обуваться. Куда глаза глядят, в ночь, под звёзды. Надоели мне они все.

Ведронбом испугался, встал поперёк двери, как дурачок, а я тоже, как дурочка, пошла тогда окно открывать.

Он говорит: «Женя, Женя, так ведь она меня тоже извела, я не знаю, куда мне от неё деться! Мне было жаль, что вам скучно, ну и повёл в театр, а она напридумывала себе невесту что. Она ж совершенно не хочет слышать, что я ей говорю, ведь честное слово, не давал ни единого повода, но она их умудряется выискивать. Хотя из рогатки от неё отстреливайся! Я бы сам давно её спровадил, но ведь опять как ляпну чего не то — и ты меня снова от деда отлучишь, так что ж мне делать-то теперь?»

Вот так. Называется — пообщались. В общем, я осталась. Завтра доделаю каталоги и пойду. А может, и не доделаю, на такую голову делами не занимаются. Настроение отвратительное. Во-первых, предстоит разговор с этой несчастной Оксаной. А во-вторых, я уж так свыклась с мыслью, что он будет мне родственником, а тут...

2 августа

Оксана со мной не разговаривает. Она считает, что я увела у неё жениха! Что я подмаслила его чтением его собственной статьи!!!

Вот и будь после этого дипломатом.

Ночую у Стёпы. Домашних видеть не хочу.

4 августа

Мои ночёвки у Ведронбома и ссора с Оксаной не остались без внимания. Вот ведь кому-то жить скучно. Мальчишки какие-то дразнят, неприлично и грязно. Что за народ. Лучше б меньше мусора раскидывали. Вероятно, завтра будут уже про Стёпу болтать. Потому что я опять остаюсь у них. Учю его дочек делать всяких журавликов из бумаги.

5 августа

Мы с Михалычем составляем пиар-план по изменению здешнего самосознания в сторону охраны окружающей среды. И ночую я у Михалыча. Принципиально. Они у меня дождутся, эти умники, я ведь человек упрямый, я ведь тут у всей деревни переночую, пока они не устанут про меня всякий бред распространять!!

7 августа

Сегодня совсем озлилась: пристали уже около Ведронбомовского дома, когда я уносила книги поменять. Ну, я и бухнула с порога:

— Ты хоть сам-то в курсе, что я твоя жена?

— Нет, — говорит. — Отстал от жизни. Заходи, хоть чаю выпьем по такому случаю. А то ведь и поговорить некогда с женой-то.

Пока общались, все тот же умник лет двенадцати давай под окном заводить шарманку про тили-тили-тесто. Ведронбом высунулся и говорит:

— Уймись ты, вчерашний день! Какая ещё невеста? Мать троих детей, и один из них негр. Иди, иди отсюда.

Вечером Михалыч спросил, от кого ж это у меня негр получился. Уж этот Ведронбом ляпнет так ляпнет. Хорошо, если я здесь не озверею. У кого бы ещё переночевать, не придумаю.

Хочу домой. Всё плохо. Ничего не нравится. По-моему, у меня даже температура.

Ночь

У Михалыча какие-то проблемы в редакции. Он напился водки и пришёл со мною поговорить.

«Ты вот смотришь на меня, думаешь, пьян старый дурак. И статьи-то его бездарны, и труды-то его напрасны. Всё так, Женюшка, да ведь куда ж мне такому деться? Уродили меня в грехе и в грехе вырос, и ничего другого не знал. Ты такая маленькая и умница, сколько тебе Бог дал, не налюбуюсь. Когда б я мог так писать, то давно уж тут город-сад бы построил, да что ж теперь поделать? У всех умниц свои дела, и оно правильно, ты не подумай — я не ругаю, да только кто ж окромя меня дурака моё дело сделает? Никто. А потому, глуп ли, гол ли, иди да трудись. Помру — спросит Бог: никто не понимал твоего дела, а ты один понимал, так кто ж, окромя тебя, злодея, за это дело в ответе? Я тебе разумение беды дал, а ты руки и опустил: не умею да не могу. Ан что я Богу скажу? Вот то-то и оно. Спасибо тебе за помощь, Женюшка, а смеяться надо мной смейся сколь хошь, не

ахти какая птица Михалыч, переживёт. Пьян я, Женюшка, стыдно перед тобою хорошею, ну прости меня, тяжело мне, таков я есть, куда мне с того деться».

«Не слушай, — говорю, — никого, Михалыч, ты лучше всех, и я тебя люблю, и статьи тебе ещё из города присылать буду, знай печатай».

Он успокоился, ушёл и заснул.

А я сижу одетая под одеялом, пью кипяток, стучу зубами и жду утра. Ох, лучше б я была брезгливой, как Оксана. Очень надеюсь, что это все-таки не дифтерия, а чего-нибудь попроще...

11 августа

Второй день лежу тут у деда, болею, одолела «Естествознание» Дубнищевой. Все знакомые уж меня навестили, а Ведронбом не идёт. (Муж называется). Просила Оксану обменять книги — топорщится. Пришлось просить деда, но он говорит: «Не суетись, сам придёт твой Ведронбом». Мой Ведронбом. Мой Ведронбом!!! И ты, дедушка, туда же! Да это ж просто натуральная травля людей и вообще всего человеческого.

Оксана говорит, что в разговорах с местными кумушками напала на след основного источника слухов: это-де склочная старая дева Элла из дома с оленем на воротах, которая давно имеет виды на Ведронбома. Уж не знаю, кто такая эта Элла, но вот и ей тоже досталось! Я сказала Оксане, что в агентство «Одна баба сказала» я входить не хочу и его информационной рассылкой тоже не интересуюсь. Оксана обиделась.

Папа, как ты тут жил. Но ведь жил как-то.

...И никакой «мой Ведронбом» так и не пришёл.

12 августа

Оксана развивает тему о том, почему нет Ведронбома и т.д. Дедушка тоже. Говорит, что это по-свински — не навесить «болящего» и вообще «девушку, которая по нему страдает».

Как это точно — я действительно страдаю! Только что не по Ведронбому, а от Оксаны и от дедушки!

Папа, как мне тут одиноко, честное слово.

13 августа

Прибежал мальчик, который «тили-тили-тесто», заорал на всю улицу, что у него секретное письмо невесте Ведронбома. Вот уж умеет этот Ведронбом натворить глупостей! Оксана этот пакет ухватила, бежит с ним, веселится и говорит, что не отдаст мне, пока я не сознаюсь, что «обожаю Ведронбома». Детский сад! А впрочем, какой уж тут детский сад, когда это сознательное злодейство. Ну ладно, я человек крепкий, меня так просто не изведёшь. Ведронбома тоже, потому я и не собираюсь вызволять это письмо, что бы там в нём ни было написано. (Пусть думает в другой раз, что делает). Но ведь есть, пожалуй, люди, которые от такого даже и повеситься могут.

Вот опять она прибежала, кривляется, говорит: «Имени тут не написано. А если ты его не обожаешь, значит, это не тебе, а как раз мне, так я и распечатывать буду. Ведь может быть, Ведронбом раскаялся и зовёт меня в театр». «Обязательно, — говорю, — и в цирк, и в зоопарк, и в бассейн с вышками, по полной программе. Смотри от счастья не умри».

Так ведь она и в самом деле распечатала, ходит, читает и хохочет напроказ, чтоб меня понервировать. Хоть бы уж он там не написал ничего такого! Да уж сам виноват такие глупости делать!

Все, замолчала — зачиталась. Ну, уж коли зачиталась, так навряд ли там лекция по физике. Совсем у сестры совести нет, что ли?

Прибежала и кричит: «Ну, тут страстный любовный шедевр в духе сушёной воблы, его надо в музей выставлять! Ты только подумай, он пишет, что на меня он сел мимо лошади и увял! А на тебя, значит, сел прямоком на лошадь и расцвёл! И если ты не будешь лягаться, так он на тебе ещё с удовольствием посидит и поцветёт! Ещё он хвастается, что он первый парень на деревне и его все собаки знают! Так не хочешь ли и

ты к ним присоединиться!» Папа, я понимаю, что ты меня не одобришь, но я ей врежу. Вот допишу абзац, сосчитаю до десяти (в не знаю какой раз), а потом всё-таки врежу. Не могу больше.

...Дед разнял нас, отлупил дипломированную Оксану вишнёвым веником, загнал в чулан и запер. Она истерически кричит оттуда про права личности и деревенский беспредел. Но она не знает, что деда в доме уже нет и он её не слышит. Мне тоже досталось пару раз по спине, после этого письмо попало ко мне, а дедушка прихватил веник побольше и ушёл, — я догадываюсь, куда.

Что до Ведронбома, у него, похоже, и правда судьба то и дело садиться мимо лошади.

День добрый!

Прости, что я тебя не навещаю. Временами я вот такой невыносимый эгоист. Потому что вдохновение на меня напало просто сумасшедшее, и оно весьма вовремя, ведь защита моя уже на носу. Заставил себя прерваться ненадолго, а то уже у меня не голова, а трансформатор. Мог бы и заглянуть к тебе, конечно, но там эта твоя сестра, а я от одного её вида просто вяну на корню. Мне это сейчас никак нельзя.

А теперь по сути.

В ночь на 24 июня я закончил один из этапов работы и пошёл проветриться. Часто это делаю, и все собаки уж меня знают, не лают. Была чудесная звёздная ночь. Шёл мимо вашего дома. Увидел во дворе некий силуэт. И каким-то непонятным образом я на мгновение почувствовал, что этот человек целиком там, в том самом мире, где и я со своими мю-мезонами. Меня это ощущение потрясло. Сколько-то я шагал автоматически, потом так же автоматически вернулся, но никого больше не было. А я вообще слышал, что приехали дочери Сергея Наумова. Для меня это имя не меньше значит, чем для тебя.

Насилу я дожид до утра и пошёл к вам. И вот увидел маленькое брюзжащее создание в кепке и манерную леди с претензиями. Было ощущение Ивана-царевича, пославшего стрелу в болото и обнаружившего там двух жутких лягушек. Поди пойми, которая из них та самая «царевна», когда обе они так зелены и громкоголосы. Я посмеялся над собою и своими фантазиями и пошёл домой.

Но ночь за ночью, хоть что ты сделай, я выходил под звёзды и слышал, что я уже не один в небе.

Стал я с вами знакомиться, как умел. Вообще сначала думал всё-таки на Оксану, пытался в ней того звёздного человека разглядеть, но тщетно. Никак не думал, что это ты, ты ведь вообще при мне только и делала, что пыхтела и дулась, как я ни пытался вытянуть из тебя своими фокусами хоть одну улыбку. Потом вдруг мимоходом услышал твою жалобу деду Наумову на отсутствие звёздной карты. «Оп-па, — думаю, — вот так сел ты, Сашка, мимо лошади». Представь себе, именно в этих словах и подумал, мне и в голову никогда не пришло бы, что это может быть грубо. Мне казалось, что это просто забавно. Так же как и все последующее. Твоё «оставь нас в покое» грянуло для меня как гром с ясного неба.

Сначала я обиделся, поскольку мнения я о себе довольно высокого, а тут ещё всякие мелкие лягушки мне морали читают. Но потом была ночь, и она, как нарочно, такие звёзды по небу рассыпала... Вышел я под них и затосковал. «Нет, — думаю, — что-то здесь не то». Начал я голову ломать, что ж я такого страшного натворил. Весь здешний народ меня с моими шутками на «ура» принимает. Чем же я обидел тебя?

А потом эта твоя статья вышла. Незатейливая статья, но такая ясная, существенная и жизненная. Понимаешь, я вообще в человеке ценил, когда он пошутить умеет или когда он энциклопедия ходячая. А тут вроде бы без особого юмора, и ничего нового, все банально и общеизвестно, но почему-то впечатляет. И вот когда я эту статью на пятый раз прочитал, стало до меня понемногу доходить, какой же я перед тобою поросёнок, несмотря на все свои многоумные познания.

Вообще я всю эту «слишком воспитанность» а-ля-Оксана не перевариваю. Мне всегда хотелось быть поближе к народу и к огороду. И сурьёзных учёных мужей я, как правило, выношу только в определённых дозах, почему я и запрятался здесь от цивилизации. Но ты мои воззрения на культурность несколько скорректировала, о чем тебе и кланяюсь. Надеюсь, что ты, маленькая ворчунья, не возомнишь после этого себя гением.